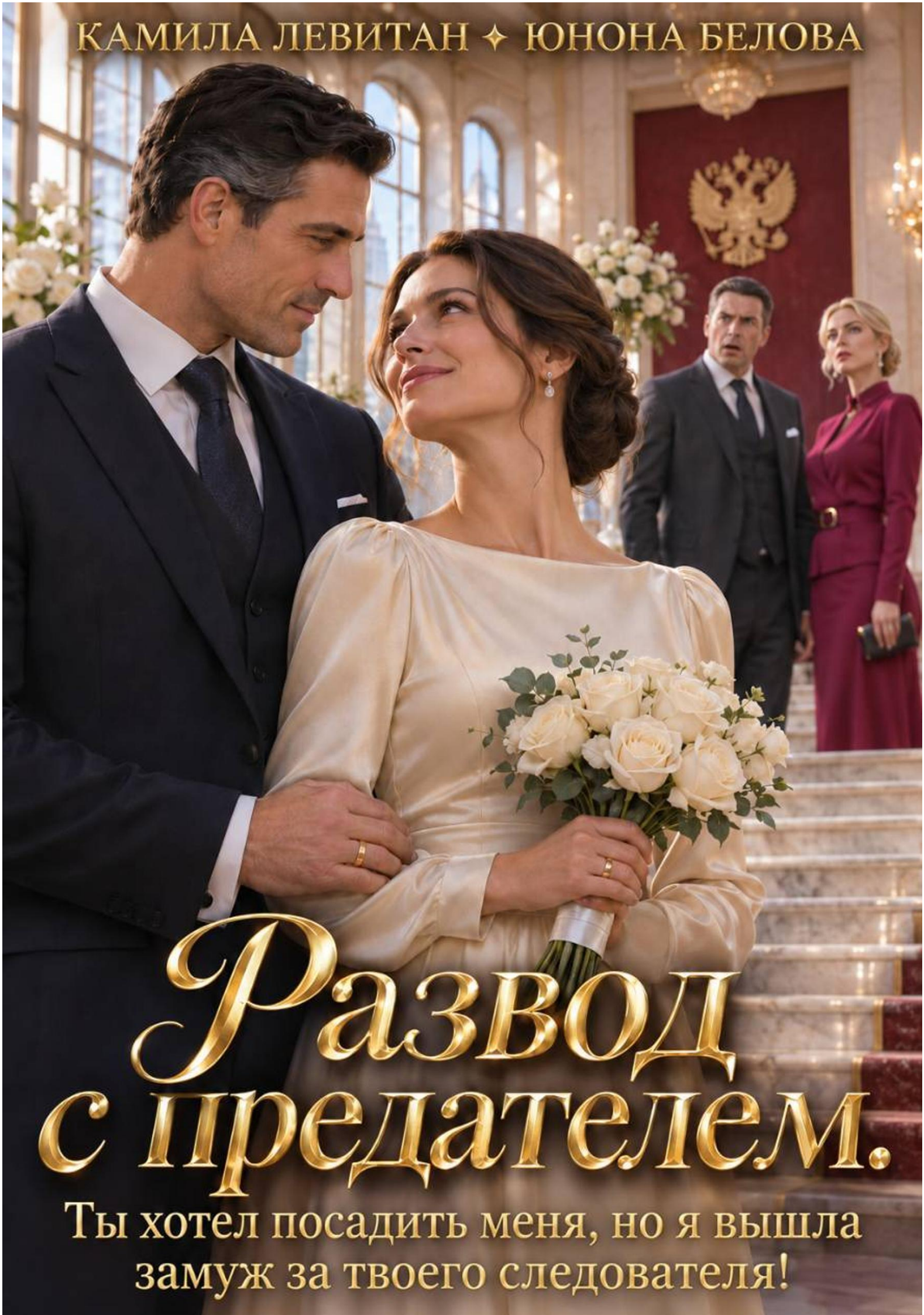
КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ЮНОНА БЕЛОВА

Развод с предателем.

Ты хотел посадить меня, но я вышла замуж за твоего следователя!

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но я вышла замуж за твоего следователя!

«Автор»
2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но я вышла замуж за твоего следователя! / К. Левитан — «Автор», 2026

— Сожги бумаги, Алина. Ты ведь просто глупая жена!Так мой муж Игорь, которому я верила годами, пытался заставить меня скрыть хищения на заводе. А когда я отказалась, объявил главной виновницей, оставил без денег и пригрозил отобрать нашу шестнадцатилетнюю дочь.Его любовница уже делила имущество, а мои счета арестовали.Единственный, кто мог защитить нас, — Марк Северцев, беспощадный следователь по прозвищу Мясник.Он предложил сделку: я найду доказательства, а он защитит Катю.Но ради спасения мне пришлось стать его женой.Теперь бывший муж уверен, что я сломлена.Он ошибается.Я знаю все цифры его преступлений. И скоро ему придётся за них ответить.

© Левитан К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Камила Левитан, Юнона Белова Развод с предателем. Ты хотел посадить меня, но я вышла замуж за твоего следователя!

Глава 1

На кухне пахло горелой бумагой и Игоревым дезодорантом. Десять лет я покупала ему один и тот же баллончик: другой раздражал кожу, дорогой он называл пустой тратой. Теперь от этого привычного запаха меня мутило. Он стоял у раковины, его широкая спина загораживала свет от единственной лампы над мойкой, и я видела, как напряглись жилы на его шее. В руках он сжимал папку с черновыми расчетами — той, где была видна вся грязь нашего завода, все эти «серые» схемы вывода активов, которые мы подписывали годами.

— Сожги их, Алина! — прошипел он, не оборачиваясь. Он срывался на шёпот, а я уже прижимала локти к бокам, стараясь стать меньше. — Или смой. Прямо сейчас. Ты должна быть дурой. Женой-дурой, которая ничего не знала о бухгалтерии и цифрах. Поняла?

Прижала ладони к груди. Если держать их так, Игорь хотя бы не заметит, как они трясутся. Нужно было произнести одну фразу целиком, не сбиться и не начать оправдываться.

— Если я уничтожу доказательства, это будет соучастие, Игорь. Мне грозит срок. Тебе тоже. Я не буду лгать следствию. Это усугубит...

— Замолчи!

Он развернулся. Я прижалась к стене ещё до толчка. Обычно во время скандала он смотрел куда угодно, только не на меня. Сегодня искал, чем меня заставить. Шагнул ближе, толкнул меня плечом так, что я ударилась спиной о холодный кафель стены. Между лопатками жгло. Я искала, куда отступить, а он уже тянулся к моей руке. До выхода пришлось бы идти мимо него.

— Ты думаешь, я позволю тебе сесть на трон и играть в честную гражданку? — он схватил меня за запястье, пальцы впились в кожу, оставляя белые полосы. — Если ты не сожжешь эту папку, я сам позабочусь о том, чтобы тебя посадили вместе со мной. Но ты будешь сидеть одна. И Катя останется одна. Ты хочешь этого? Хочешь, чтобы дочь жила в детдоме?

Он сказал «детдом» так буднично, словно выбирал склад для ненужного оборудования. Нашу Катю. Девочку, которой я до сих пор оставляла свет в коридоре. Я вырвала руку, отступая назад, наткнувшись пятками на ножку табуретки.

— Убери свои руки. Ты не имеешь права решать за меня.

В этот момент дверь спальни скрипнула. Катя вышла в коридор. Ей шестнадцать, и она всегда чувствовала перепады настроения в доме раньше меня. Сейчас она стояла в одной пижаме, обхватив себя руками за плечи, будто ей было холодно даже в отопительный сезон.

— Папа? — ее голос был тонким, как натянутая струна.

Игорь разжал кулаки. Перед Катей собирался выглядеть спокойнее.

— Иди спать, Катя! Взрослые решают дела! Не лезь сюда!

Он шагнул к ней, пытаясь мягко, но настойчиво подтолкнуть обратно в комнату. Дочь отшатнулась. Я знала этот короткий вдох, за которым никак не следует выдох. «Приступ», говорили мы потом, когда Катя могла ответить. Сейчас она смотрела на отцову руку и пятилась от неё. Он занял дверной проём.

Катя упала на колени, цепляясь руками за край моей домашней юбки, тянув ткань вверх, будто я была ее единственным спасательным кругом.

— Мам... мам, мне тяжело дышать... не трогай меня, пожалуйста...

Я рухнула рядом с ней, обнимая дочь, чувствуя, как мелко дрожит ее тело. Игорь замер посреди кухни, глядя на нас с отвращением, словно мы мешали ему совершить важный ритуал.

— Хватит ныть! — рявкнул он. — Из-за вашей истеричности я теряю время!

Звонок в дверь разрезал воздух, как скальпель. Резкий, требовательный. Три коротких сигнала.

Игорь побледнел. Лицо его стало землистым, губы ссохлись. Он метнулся к куртке, висевшей на спинке стула, и лихорадочно начал шарить в карманах, доставая телефон, ключи, какие-то мелкие предметы. Затем он сунул папку с документами себе под мышку, пряча ее за спиной, и посмотрел на меня. В его взгляде больше не было гнева. Была расчетливая, холодная ненависть.

Он подошел вплотную, склонился к моему уху, и я почувствовала запах пота и страха.

— Слушай сюда, Алина. Если ты откроешь рот и скажешь хоть слово против меня... если ты упомянешь хотя бы одну цифру из этих бумаг... я добьюсь, чтобы тебя обвинили в пособничестве. Ты же главный бухгалтер. Ты все подписывала. Без тебя схема не работала. Поняла? Молчи. Кивни головой. Скажи им, что ты просто жена, которая ничего не знает.

Входная дверь распахнулась. Я не успела увидеть, кто отпер замок.

В квартиру ворвались четверо мужчин в гражданской одежде, но их осанка выдавала службу. Они двигались слаженно, жестко, игнорируя мою просьбу закрыть глаза дочери. Один из них, молодой, с лицом, изборожденным акне, прошел прямо к столу, где лежали мои личные вещи, и грубо сдвинул чашку с недопитым чаем на пол. Стекло звякнуло, рассыпаясь осколками по ламинату.

— Стойте! — вскрикнула я, поднимаясь на ноги, загораживая собой Катю. — Здесь ребенок! Вы не имеете права вторгаться в личное пространство без ордер...

Молодой оперативник остановился, скривившись.

— Ваш муж уже рассказал нам всё, госпожа Ветрова. Он сказал, что вы были лишь исполнителем технических задач, не понимающим сути процессов. Так что, если хотите избежать лишних вопросов, помолчите, пока мы не найдем «главный» архив. Игорь Сергеевич просил вас не вмешиваться.

Игорь стоял в углу, опустив голову, изображая раскаяние. Он даже не смотрел на меня. Я ждала, что он возразит оперативнику, хотя бы посмотрит на дочь. Игорь молчал. Значит, фразу про исполнителя они обсудили заранее. Моё место в его показаниях уже было выбрано; со мной согласовать он не счёл нужным.

Тогда в дверном проеме кухни появился еще один человек. Высокий, в идеально сидящем темно-синем костюме, который выглядел чужеродно среди нашей серости и ржавчины. Он не кричал, не показывал корочки. Оперативники оставили ему проход. Даже тот, кто распоряжался у стола, отступил.

Марк Северцев. Старший следователь. «Мясник», о котором шептались в городе.

Он остановился напротив Игоря. Не поздоровался. Не представился. Просто смотрел на бывшего начальника цеха так, как энтомолог смотрит на раздавленного жука.

Игорь, чувствуя давление этого взгляда, попытался сделать шаг навстречу, улыбаясь липкой улыбкой, которую он дарил начальству на банкетах.

— Марк Олегович... рад видеть. Давайте поговорим спокойно. У меня есть связи, я могу помочь разобраться...

Северцев поднял руку. Одно движение пальцев — и Игорь замер на месте, будто наткнулся на невидимую стену. Следователь коснулся плеча мужчины. Легко. Почти ласково. Но от этого прикосновения Игорь вздрогнул всем телом.

— Ваши руки дрожат, Игорь Сергеевич, — голос Северцева был тихим, бархатным, но от него стыла кровь в жилах. — Это признак вины или страха? Мне все равно. Но вашей жене лучше сесть. Она бледная.

Я медленно опустилась на табурет, чувствуя, как Катя снова начинает всхлипывать у меня подмышкой. Северцев повернулся ко мне. Он заметил, что я бледная, раньше, чем спросил о счетах. Я почти забыла, что так бывает. Игорь смотрел на меня, когда требовал подпись.

Он взял стакан из-под крана, набрал воды и протянул его мне.

— Выпейте.

Я боялась принять. Боялась подвоха, унижения, ловушки. Я перевела взгляд на Игоря. Он смотрел на меня с такой лютой ненавистью, что мне стало тошно.

— Ваш муж считает вас дурой, — продолжил Северцев, не убирая стакана. — Я считаю вас умной женщиной, которая ошиблась в выборе партнера. Исправим?

Его глаза были серыми, как зимнее небо над заводскими трубами. В них не было жалости. Только холодный расчет и какая-то странная, опасная уверенность.

Игорь не выдержал. Ощущение потери контроля свело его с ума. Он сорвался с места, махая руками:

— Вы фальсифицируете дело! Вы подставили меня! Эти документы... они не мои! Алина виновата! Она все делала!

Северцев даже не моргнул. Он просто указал рукой на стол, где лежали наручники. Металлические кольца блестели в тусклом свете.

— Сядьте, Игорь. Или я отправлю вас в камеру до суда за сопротивление при обыске. Ваша любовница Лена уже в изоляторе. Она говорит быстрее вас. И она уже назвала ваши имена. И все оффшоры. До последнего.

Тишина, повисшая после этих слов, оглушила меня. Лена. Дочь владельца завода, с которой Игорь проводил каждую вторую пятницу месяца. Той, кому я покупала подарки на день рождения, считая ее «другом семьи».

Я вспомнила подарки Лене. Сама выбирала, сама оплачивала, а потом вычитала эту сумму из расходов на дом. На меня ей хватало улыбки: «Спасибо, Алинка». Игорь пытался отвести глаза. Северцев даже не повысил голоса, но заставил его замолчать — то, чего я не могла добиться за все наши скандалы. Рядом с этим человеком было страшно; отвернуться от него я тоже не могла.

Игорь сел. Тяжело, как мешок с цементом. Он закрыл лицо руками, и я услышала сдавленный стон. Не раскаяния. От бессилия.

Северцев достал из внутреннего кармана визитку. Белую, лаконичную, без имени и должности. Только номер телефона. Он положил ее на стол передо мной, ровно посередине, между стаканом с водой и осколками разбитой чашки.

— Завтра в десять утра, — произнес он, глядя мне прямо в глаза. — Кабинет триста четырнадцать. Прокуратура области.

Я повторила про себя номер кабинета. Северцев ждал, пока я снова подниму глаза.

— Если вы придете одна, я помогу вам выйти из этой квартиры живой. С чистой репутацией и свободой для вашего ребенка. Если дадите ему сорвать ваши показания — он потянет вас за собой, а дочь останется без вас. Выбор за вами, Алина.

Он развернулся и вышел, оставив за собой запах дорогого табака и холодной власти. Я смотрела на визитку. На цифры, которые могли стать моим приговором или моим спасением. Руки дрожали так сильно, что я не могла поднять стакан. Катя прижималась к моему боку. Завтра в десять я должна буду оставить её и пойти к человеку, который только что усадил Игоря одним словом. Номер на визитке уже читала без дрожи. Запоминала. Игорь не получит возможности спрятать её от меня.

Глава 2

Воздух в коридоре прокуратуры пах старыми бумагами, дезинфекцией и чем-то металлическим — запахом страха. Я вышла из кабинета следователя с подпиской о неразглашении, прижатой к груди, как талисман. Руки дрожали так сильно, что я едва не выронила сумку на кафельный пол. Нужно было просто дойти до двери, забрать Катю и уехать. Просто исчезнуть. До выхода оставался длинный коридор. Я держала глаза на двери: если смотреть только туда, можно пройти мимо всех, не отвечая на вопросы.

Игорь ждал меня за колонной. Он не выглядел подавленным или виноватым. Напротив, его костюм был безупречен, а лицо сияло самодовольной уверенностью, которую я ненавидела больше десяти лет. Я всё ещё прижимала подписку к груди. Игорь пропустил взглядом бумагу и синяки на моём запястье. Его голос звучал сухо, приказно, как будто мы всё ещё были на производстве, где он командовал цехом, а я была его послушной бухгалтершей.

— Ключи от сейфа, Алина. Те самые, «чистые». Где они?

Остановилась. Игорь посмотрел на мою сумку — не на лицо. Ему снова требовалось что-то получить от меня. Я спрятала ладони в карманы пальто, чтобы он не перехватил руку, как вчера.

— Я ничего тебе не должна, Игорь. Ни ключей, ни ответов. Ты сам выбрал свою жизнь. Теперь выбирай последствия.

Он рассмеялся. Это был короткий, сухой смешок, от которого мурашки побежали по спине. Игорь достал телефон, быстро пролистал галерею и повернул экран ко мне. Фотография Кати. Вчерашняя. Она шла домой после школы, держа рюкзак одной рукой, улыбалась другу. Красивая, живая, совершенно беззащитная.

— Она такая милая, Алинка. Прямо глаз не отвести. Жалко будет, если с ней что-то случится по дороге домой. Или в лифте. Дороги в нашем районе... скользкие. И темные.

Я смотрела на фотографию. Катя не знала, что её снимают. Игорь выбрал этот снимок, чтобы я сама представила, как легко подойти к ней.

Я попыталась пройти мимо него, толкнув плечом, но Игорь перехватил меня за рукав пальто. Ткань трещала под давлением его пальцев. Он приблизился, шепча мне прямо в ухо, чтобы никто другой не расслышал, чего он требует от меня:

— Лена уже готовит бумаги на квартиру. Хочет её целиком. Пока ты сидишь здесь, ожидая суда, она будет считать твои деньги своими. Если хочешь сохранить хоть что-то для дочки, будь умнее. Отдай архивы.

Страх сменился слепой, животной злостью. Я ударила его локтем в солнечное сплетение. Это был жест отчаяния, слабый и нелепый, но он заставил его замолчать на секунду. Я вырвалась, чувствуя вкус крови во рту — прикусила губу до мяса. Сердце колотилось так, что заглушало шум в ушах. Я бежала прочь, не оглядываясь, боясь, что он бросится следом.

Но он не побежал.

Когда я вылетела в главный холл прокуратуры, толпа журналистов и приставов показалась мне стеной. Шум сливался в гул. Я достала телефон, дрожащими пальцами набирая номер Кати. Нет ответа. Ещё раз. Гудки обрывались короткими щелчками. Сеть ловила плохо, только у выхода. Пропущенные вызовы от неизвестных номеров пестрели красным. Я набирала Катю снова, не дожидаясь конца гудка. Даже не расслышала вопроса из толпы.

Тень упала на меня сбоку. Высокая, статичная, холодная.

Марк Северцев стоял чуть поодаль, опершись о стену. Он не вмешивался физически, не оттеснял меня от толпы. Просто наблюдал. Я пыталась убрать телефон в сумку и не попадала в карман. Северцев смотрел на мои руки. От его внимания хотелось спрятать их ещё быстрее.

Он сделал шаг навстречу, сокращая дистанцию до интимной, почти неприличной близости. От него пахло дорогим табаком, морозом и чем-то неуловимо опасным. Голос понизился до шёпота, который слышала только я.

— Катя в безопасности. Мой человек отвез её к тётушке в область. Там нет ни связи, ни прессы, ни твоего бывшего мужа.

Я замерла, дыхание перехватило. Надежда вспыхнула ярко, но тут же погасла от осознания цены этого спасения. Марк смотрел мне прямо в глаза, не мигая.

— Но ты должна решить сейчас, Алина. Ты идёшь со мной или остаёшься здесь, где тебя съедят живьём? Система не защитит тебя. Закон не защитит тебя. Только я могу дать тебе шанс. Но этот шанс стоит всего, что у тебя есть.

Я хотела услышать Катю, а он предлагал поверить ему на слово. Ни адреса, ни разговора с дочерью — только выбор, который нужно сделать сейчас. Игорь требовал ключи. Северцев требовал меня. Но хотя бы один из них говорил о доказательствах, а не о том, как заставить их исчезнуть.

— Почему ты помог? — спросила я, пытаясь найти в себе остатки достоинства. — Ты же можешь посадить меня за пособничество. За то, что я годами закрывала глаза. Зачем рисковать своей репутацией ради свидетеля?

Марк усмехнулся. Улыбка не коснулась его глаз, оставаясь холодной и расчетливой.

— Я не помогаю жертвам, Алина. Я использую инструменты. Ты — инструмент. И ты слишком ценный, чтобы позволить тебе сломаться об этого мудака раньше времени. Мне нужны доказательства против Ветрова. А у тебя есть доступ туда, куда у меня нет.

Он протянул визитку. Чёрная матовая картонка с тиснением. На ней только номер телефона и одно слово: «Приходи». Никаких должностей, никаких титулов. Просто приглашение в ад.

Я взяла визитку. Пальцы коснулись его руки на долю секунды. Кожа была горячей. Я сунула карточку отдельно от ключей. Если Катя не ответит ещё раз, позвоню ему, даже если за звонок придётся соглашаться на его условия.

Катя так и не взяла трубку. Я спустилась на улицу, поймала такси и всю дорогу сжимала визитку в кулаке, вызубривая номер наизусть, словно этот кусочек картона был единственным, что у меня осталось.

Дорога домой заняла вечность. Когда я поднялась к квартире, дверь была опечатана. Плашка судебных приставов висела на ручке, как надгробие. Ключей не было. Они остались у него. Или у них.

Я села на холодные ступеньки, обхватив колени руками. Бетон пронизывал одежду, забирая последнее тепло. Город вокруг гудел равнодушно. Огни окон соседних домов казались далекими звездами. На верхней площадке кто-то щёлкнул замком. Я подняла голову, надеясь, что меня позовут погреться, но дверь сразу закрылась. Телефон лежал на коленях; рядом не было даже человека, которому можно сказать, что случилось.

Зазвонил телефон. Экран светился именем «Лена». Её уже отпустили под подписку — об этом Марк предупредил ещё в холле. Любовница, дочь владельца завода, которая теперь считала себя хозяйкой положения. Я ответила, не говоря ни слова.

Голос Лены был сладким, как мед, и ядовитым, как мышьяк.

— Привет, Алинка. Слушай, давай по-человечески. Игорь очень нервничает. Он боится, что ты начнешь копаться в старых делах. Но ведь это ни к чему хорошему не приведет, правда? Если ты напишешь заявление об отказе от претензий на имущество, мы закроем глаза на некоторые... детали твоего участия. Игорь готов не добиваться реального срока по статье о фальсификации документов. Это выгоднее всем. Для нас — чистая квартира и новые дети. Для тебя — свобода.

Лена уже распределила квартиру, свободу и детей. Даже паузу оставила в нужном месте — чтобы я сама попросила условия полегче. Я смотрела на ступеньку под ногами, где на грязном бетоне темнели капли от моих слёз, и слушала, как она назначает мне цену.

— Мы ждем ребёнка, Алина. У нас всё будет чисто. А ты будешь свободна. Согласись, это честный обмен.

Я молчала. Слёзы текли сами собой, горячие и солёные, оставляя дорожки на щеках. В горле стоял ком, мешающий дышать. Я чувствовала себя ничтожеством, вещью, которую можно выбросить за ненадобностью.

— Пошла ты, — прошептала я в трубку и сбросила вызов.

После звонка я ещё посидела, пока дыхание не перестало срываться. Потом поднялась, опираясь ладонью на ступеньку. У Лены был готовый план: я подписываю, она получает квартиру. Моего плана пока не было. Но её бумагу я не подпишу.

Со ступеньки я ушла, только когда окончательно стемнело. Решение не подписывать бумагу Лены твердело с каждым шагом: пусть считает меня упрямой, зато свою подпись я ей не должна. К вечеру такси высадило меня у ресторана, адрес которого Марк продиктовал сегодня утром — коротко, без права на вопросы.

Ресторан был закрытым залом, скрытым от посторонних глаз массивными портьерами. Здесь пахло дорого, вкусно и опасно. Марк сидел за столом у окна, просматривая документы. Он не встал, когда я появилась. Просто указал на стул напротив.

Я села, дрожа всем телом. Столешница была полированным деревом, гладкой и холодной. Марк положил передо мной папку. Толстую, черную, с печатью прокуратуры.

— Это копия твоего уголовного дела, — сказал он ровно. — Там есть дыра. Следствие пока не видит всей картины, потому что зависит от показаний тех, кто куплен Ветровым. Но если ты найдешь скрытые архивы в офисе Игоря раньше, чем он зачистит тайник... Дыра превратится в пропасть для него. Для тебя — в свободу.

Я посмотрела на папку. Внутри лежали мои грехи, мои ошибки, моя жизнь.

— А если я откажусь? — спросила я тихо.

Марк поднял глаза. Взгляд был прямым, в упор, лишённым всякого сочувствия.

— Тогда я подпишу ходатайство о заключении под стражу. Мне нужны доказательства, Алина. Ты знаешь, где искать, а спрашиваешь, можно ли отказаться. Можно. Последствия тоже твои. Выбирай, жена.

Слово «жена» повисло в воздухе, тяжелое и двусмысленное. Издевательство? Предупреждение? Или начало чего-то нового, страшного и неизбежного?

Он уже назвал меня женой, прежде чем я согласилась. Хотел, чтобы это слово сделало за него часть работы. Я подвинула папку к себе. В ней были переводы, которые Игорь поручал мне сводить и запрещал обсуждать. За каждую сумму отвечала я; сегодня впервые он мог ответить за них передо мной. Этого шанса я ему не отдам.

Я потянулась к папке. Пальцы сомкнулись на картоне.

— Хорошо, — произнесла я, глядя ему в глаза. — Но если ты предашь меня, если ты сделаешь меня козлом отпущения вместо него... Я найду способ уничтожить тебя тоже. Даже если для этого придется лечь в землю рядом с тобой.

Марк улыбнулся. Это была первая улыбка за весь вечер. Она не была теплой. Она была хищной, пугающей, полной интереса.

— Надеюсь, что да, Алина. Скучно было бы с покорной овечкой.

Он встал, бросил купюру за ужин и вышел. Я осталась с папкой: пообещала уничтожить его, а даже не знала, что он убрал, прежде чем отдать мне дело.

Глава 3

Такси ехало к тёте в область, где была спрятана Катя. Дождь барабанил по стеклам, размывая городские огни в неоновые пятна. Я открыла папку, пока водитель переключал передачи. Внутри лежали копии протоколов, списки фирм-однодневок, схемы переводов. И старая фотография.

Женщина с мягкими глазами и легкой улыбкой. Она напоминала Марка. Строение лица, линия челюсти, глубокий взгляд. Дата смерти внизу — пять лет назад. Подпись мелким шрифтом: «Елена Северцева. Самоубийство. Причина: банкротство завода "Ветров-Пром"».

Пальцы ослабли. Папка соскользнула на сиденье. Завод, который разорял Игорь, создавая свои схемы вывода активов, был заводом матери Марка. Этот брак — фиктивный союз, который он предлагал мне, — не защита. Это месть. Месть, в которую меня втянули как оружие. И я не знала, чья кровь будет на моих руках в конце этой игры.

Металлическая пломба на двери звенела, как колокольчик на виселице. Я дернула ручку — бесполезно. За дверью моей квартиры было тихо. В подъезде пахло перегаром и чем-то сладковато-гнилым, словно протухшими цветами в вазе.

— Мне нужно забрать документы дочери, — голос сорвался, превратился в жалкий скрип. — И теплые вещи. Там холодно.

Пристав-исполнитель даже не поднял глаз от планшета. Его пальцы, покрытые чернильными пятнами, лениво листали экран.

— Ордер на вывоз личного имущества есть? Нет? Значит, вход воспрещен. Имущество описано и опечатано. До решения суда ничего трогать нельзя. Ни бумажки, ни носка.

Я сунула телефон под его нос: фото Кати, смеющейся у елки, еще год назад.

— Она боится темноты. Ей нужны лекарства, она спит только с моим шарфом. Вы понимаете, что я говорю?

Он посмотрел на меня так, будто я просила снять с него часы посреди улицы.

— Девушка, ваши проблемы с психикой ребенка меня не касаются. Протокол за номером триста сорок два. Уходите, или я вызываю наряд.

Я отступила. Кроссовки скрипнули по кафелю. Пристав поднял голову — проверить, ухожу ли. В голове гудело. Три года я считала деньги до копейки, чтобы Игорь мог «инвестировать» в новые машины для любовницы. А теперь этот чужой мужчина решал, могу ли я взять себе шапку.

Зазвонил телефон. Катя.

— Мам, мне страшно. Тут шумят... Кто это? Почему они говорят про долг?

Голос дочери дрожал, ломаясь на высоких нотах. Я прижалась щекой к холодной стене подъезда, закрывая глаза. Свободной рукой я схватилась за дверную ручку соседней квартиры, где жила жена другого начальника цеха, Марина. Которая вчера хихикала над моими новыми сапогами.

Марина открыла дверь на цепочке. Узкая щель. Глаза бегающие, испуганные.

— Алинка... — начала она, но увидела мое лицо, серое от пыли и слез, и резко захлопнула дверь. Щелкнул замок. Два оборота.

Марина узнала меня: назвала по имени. И всё равно закрыла дверь. За ней было тепло, а рядом со мной стоял пристав. Я убрала руку с её ручки.

— Мам? Ты там? — шептала Катя в трубке.

— Я рядом, солнышко. Я все исправлю. Обещаю. Мы будем вместе.

Я стояла в городе, дочь — в области. Между нами была дорога, денег на которую я ещё не нашла. «Рядом» оказалось единственным словом, которое я смогла ей дать.

В торговом центре у банкомата толпились люди. Люди покупали кофе по двести рублей, обсуждали отпуск. Я стояла у стены, напротив магазина, где раньше примеряла платья к корпоративу. Вставила карту. Экран мигнул красным: «Баланс недоступен. Операция отменена».

Арест счетов. Все. Ни копейки.

Желудок свело судорогой. Голова кружилась от запаха свежего хлеба из пекарни напротив. Я подошла к стойке с батончиками. Руки дрожали так, что я едва не опрокинула картонную коробку. Выбрала шоколадный батончик. Монеты в кармане нашлись только мелочью — три рубля. Недостаточно.

Продавец за стойкой отвернулся, отвечая на звонок. Я взяла батончик. Просто взяла и сунула в рукав куртки. Обёртка шуршала в рукаве при каждом движении. Я прижала локоть к боку. На работе объясняла людям, почему нельзя взять из кассы даже сто рублей без оформления; сейчас старалась пройти до выхода так, чтобы продавец не окликнул меня.

Сделав шаг прочь, я почувствовала взгляд. Продавец смотрел прямо в глаза. Не кричал. Только усмехнулся одной стороной рта.

Прижала локоть крепче. Положить батончик обратно — вернуться под его усмешку.

Тётя оплатила мне ночь в дешевом хостеле на окраине. Трехместная комната пахла сыростью и чужим потом. Я лежала на жесткой койке, глядя в потолок, когда в дверь постучали. Не в дверь комнаты — в общую дверь хостела, а потом кто-то громко толкнулся в мою.

Открыла. На пороге стояли двое. Высокие, в дорогих куртках, которые стоили больше моего годового бюджета. Лица знакомые. Из охраны завода. Друзья Игоря.

— Алина Сергеевна, — один улыбнулся, показывая желтоватые зубы. — Хозяин переживает. Говорит, ты много знаешь. Где сейф? Где архивы? Открой рот, мы просто поговорим.

Их руки тянулись ко мне. Я видела синяки на костяшках одного из них. Они не собирались спрашивать вежливо. Они хотели выбить информацию. Или запугать до истерики. Я держала дверь, а они придерживали её с другой стороны. Двое заводских охранников знали меня по имени. Значит, найти тётю им тоже могло оказаться нетрудно. Отступить в комнату — впустить их следом.

— Стоять, — мой голос вышел тихим, но твердым. Я не отступила. Я выпрямила спину, хотя внутри всё кричало от ужаса. — Вы знаете, чье имя я сейчас произнесу?

Они замерли, ожидая удара или просьбы.

— Марк Северцев. Старший следователь прокуратуры. Мой будущий муж. Свадьба уже решена. Если вы тронете хоть один волос на моей голове, он сотрет ваш завод в пыль. Он не будет ждать суда. Он сделает так, что вас найдут в лесу без документов. Хотите проверить его репутацию? «Мясник» ведь не зря носит это прозвище.

Один посмотрел на другого. Я ждала смеха: спроси они о свадьбе подробнее, ответить было бы нечем. Но второй отнял руку от двери. Имя Северцева сработало.

— Ладно, сука, — сплюнул второй, но уже пятясь назад. — Поиграем. Но если ты врешь...

Они ушли, оставив после себя запах дорогого табака и угрозы.

Я закрыла дверь на все засовы. Села на пол. Руки тряслись так, что я не могла завязать шнурки на ботинках. Холод проникал в кости. Захотелось набрать Игоря: пусть скажет, что подписать. Я хотя бы знала, сколько он будет орать, прежде чем отпустит спать. Потом представила, как он встретит нас с Катей.

Но перед глазами всплыл взгляд Игоря во время обыска. Ненависть. Не любовь, не раскаяние. Ненависть к тому, что я помешала ему спасти шкуру.

Нет.

Я встала. Достала блокнот и ручку. Мои пальцы перестали дрожать, когда коснулись бумаги. Я начинала писать. Даты, суммы, названия фирм-однодневок, имена директоров, которых я видела на совещаниях. На первой странице фамилия директора никак не помещалась в строку. Я зачеркнула её и начала заново. Игорь всегда торопил меня: «Зачем ты перепрове-

ряешь?» Затем, что цифры не исчезают от крика. Время платежа, получатель, сумма. Пока я помнила их, он не мог сказать, что ничего не было.

Утро выдалось серым и липким. Кабинет Марка Северцева находился в старом здании прокуратуры, с высокими потолками и пылью в лучах света. Он сидел за столом, разбирая дела. Не поднял головы, когда я вошла.

Я положила перед ним исписанные страницы. Черновик. Список всего, что я знала.

Марк взял листки. Читал молча. Долго. Слишком долго.

Затем он поднял глаза. Холодные, серые, бездонные.

В его руках вспыхнуло пламя зажигалки. Он поднес огонь к бумагам.

— Что вы делаете?! — вскрикнула я, подаваясь вперед.

— Я спасаю тебя, Алина.

Он держал горящие листки над пепельницей, пока они не превратились в черный пепел.

— Эти данные? Это доказательство твоей причастности. Ты знала схемы. Ты оформляла документы. Если ты сдашь это сейчас как «свидетель», тебя посадят лет на пять. Соучастница.

Он достал из ящика другой документ. Плотная бумага, гербовая печать.

— Твой шанс — оригиналы. Архивы, которые Игорь спрятал в сейфе на заводе. Их нет в базе данных. Они физически существуют только там.

Я смотрела на контракт фиктивного брака, который он придвинул ко мне.

— Пункт семь, — сказал он ровным голосом. — Я добьюсь защиты свидетеля и решения по твоему делу только при условии передачи оригиналов скрытой документации. Без этих бумаг ты ничто. С ними — ты свободна.

Я смотрела на пепельницу. Вместо показаний он требовал добыть то, чем потом сможет распоряжаться.

— Ты знал, что я приду с этим списком, — прошептала я. — Ты специально дал мне время написать его. Чтобы показать, насколько я безнадежна без твоего плана.

Марк не ответил. Он положил перед мной маленький металлический ключ.

— Служебный вход. С кодом замка времени мало. Игорь может сменить его в любой момент.

Он наклонился ближе. Табаком пахло от моих листков. Хотелось забрать ключ, пока он не придумал новое условие.

— Если ты не принесешь мне этот архив, я не смогу защитить твою дочь от тех, кто уже знает, где она ночует. Выбирай, Алина. Быть честной перед законом или быть живой.

Глава 4

Коридор областной прокуратуры пах старой краской, пылью и чем-то еще — острым, металлическим. Запахом страха. Я сидела на жестком пластиковом стуле, вцепившись пальцами в колени так, что костяшки побелели. В голове гудело: «Меня убьют». Или посадят. Или то и другое одновременно. Игорь уже уехал, забрав всё, что можно было забрать, а меня бросил здесь, как использованную салфетку.

Дверь кабинета распахнулась бесшумно. Марк Северцев не пригласил войти. Он просто стоял, заполняя собой весь проем, и смотрел вниз на меня. Он посмотрел на мои руки. Я ждала вопроса о синяках, но он лишь отступил от двери.

— Идите сюда, Алина Сергеевна, — голос был тихим, но от него по спине пробежал озноб, будто кто-то водил ледяной иглой под кожей.

Я встала. Ноги не слушались, казались чужими, набитыми ватой. Внутри кабинета было темно, только настольная лампа выхватывала из мрака стопки бумаг и лицо следователя. Он продолжал читать, пока я стояла. Я искала в его лице признак того, что мне можно заговорить. Пять минут. Десять. Придётся начать самой: он мог просидеть так до вечера, а мне ещё нужно было добраться до Кати.

Я знала его слабое место. Знала, потому что пять лет назад видела, как разворачивается эта схема. Видела, как мать Марка плакала на кухне, подписывая кредитный договор, который должен был спасти их дом. А потом увидела, как этот дом сносят бульдозеры. Я молчала тогда. Из страха. Из привычки быть серой мышью. Теперь молчать было нельзя.

— Марк Олегович, — произнесла я. Голос дрогнул, но я сжала кулаки, заставив себя говорить ровно. — Вы тратите время на чтение того, что уже знаете. У вас нет доказательств против меня. Ни одного.

Он задержал страницу, поднял глаза. Я ждала приказа замолчать. Но он лишь смотрел, и мне пришлось выдержать этот взгляд, не повторяя свою фразу тише. Пока он не возразил, я могла заставить его слушать.

— Помолитесь, — сказал он сухо, откладывая документы. — Бог вам сейчас нужнее, чем адвокат. Статья 174 УК РФ. Отмывание денег в особо крупном размере. Соучастие. Вам грозит реальный срок. И ваши подписи будут разбирать отдельно от его угроз.

Сердце пропустило удар. Реальный срок. Дочь одна. Квартира арестована. Долги. Я опять считала, сколько лет будет Кате, когда меня выпустят. Но я не заплакала. Я уже плакала на ступеньках и ничего этим не вернула. В сумке оставался мятый чек из ресторана «Гранд», который случайно оставила в кармане куртки три дня назад. Дата, время, сумма. И подпись официантки, подтверждающая, что столик бронировался на двоих. На именины Лены. В день, когда исчезли активы завода.

Я положила чек на стол. Бумага легла поверх дела Игоря, словно метка на карте сокровищ.

— Это не случайность, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Игорь встречался с дочерью владельца именно в тот момент, когда переводились деньги. Она знала. Она была соучастницей. А вы называете меня жертвой обстоятельств? Нет, Марк Олегович. Я знаю, где спрятаны оригиналы договоров. Те, чьи копии Игорь хотел уничтожить перед обыском. Оригиналы остались в сейфе на заводе. Код знает Лена.

Марк взял чек двумя пальцами. Поднес к лицу. Я видела, как напряглись его челюсти. Лицо каменело, теряя ту маску скучающего бюрократа. Теперь там проступало что-то другое. Опасное. Живое.

— Шантаж, — произнес он тихо. Он прижал чек пальцем, словно это я пыталась вырвать у него доказательство. — Попытка давления на следствие. Хотите добавить себе срок за попытку сорвать расследование?

— Я хочу, чтобы вы решили, чего вы хотите, — парировала я, чувствуя, как внутри начинает расти ледяное спокойствие. Он смотрел на чек, а не на мои руки. Пока его внимание было там — я могла договорить. — Вы хотите справедливости? Или вы хотите мести? Потому что если второе, то моя информация бесполезна. А если первое... то это ключ. К архивам. К настоящим документам, которые отправят Ветрова и Лену за решетку. Навсегда.

Он встал. Кабинет вдруг показался слишком маленьким. Марк обошел стол, нависая надо мной своей массивной фигурой. Тень легла на мои плечи. Он сделал шаг ближе. Так близко, что я чувствовала запах его дорогого одеколона — сандал и горечь трав. Этот запах кружил голову и пугал до дрожи в коленях.

— Вы думаете, я боюсь слов? — прошептал он. Его губы были в сантиметре от моего уха. — Я могу потерять ваши материалы. Могу забыть о чеке. Могу закрыть дело, списав всё на технические ошибки бухгалтерии. Вы — никто, Алина. Серая мышка, которая боялась даже возразить мужу. Зачем мне верить вам?

Я не отступила назад. Инстинкт кричал бежать, прятаться, стать меньше. Вместо этого я выпрямилась, упираясь спиной в стеллаж с папками. Холод металла обжег лопатки через ткань блузки. Я подняла подбородок, заставляя себя смотреть в его темные глаза.

— Код доступа к серверу резервного копирования, — выдохнула я. — Шесть цифр. «04-11-29». Пароль ещё со времён банкротства вашей матери. Только главный бухгалтер мог помнить эту комбинацию, потому что Игорь использовал её как пароль для первой фиктивной транзакции, которая убила ваш бизнес. Вы проверяли другие версии? Их нет. Это уникальная информация. Моя профессиональная память.

Марк перестал нависать надо мной. Посмотрел на чек, потом снова на меня. Шесть цифр заставили его слушать. Я повторила комбинацию про себя, чтобы от волнения не перепутать порядок, если он спросит ещё раз.

— Полная лояльность, — сказал он, и в его голосе звенели стальные ноты. — Никакого права на молчание. Никаких игр в шпионов. Если вы солжете хоть раз — хоть в одной букве, хоть в одном символе переписки — я сам надену на вас наручники. И поверьте, тюрьма будет последним, что вас ждет после этого.

— Я согласна, — ответила я быстро, боясь, что он передумает. — Но у меня одно условие.

Он усмехнулся. Криво, зло.

— Условия диктует прокурор.

— Условия диктует человек, которому нужна правда, — возразила я. — Полная анонимность для моей дочери. Она не должна знать, что её отец сядет, пока она не закончит школу. И гарантия, что Игорь не узнает источник утечки до момента ареста. Если он поймет, что это я, он убьет нас. Буквально. Вы видели его характер. Вы читали его досье.

Марк долго молчал, сверля меня взглядом. Я чувствовала, как пот стекает по спине, несмотря на холод кабинета. Он взвешивал мою «серость» и мой страх. Для него я была идеальной пешкой — сломанной, зависимой, управляемой.

— Ваша слабость делает вас предсказуемой, — заметил он цинично. — Пешку всегда можно пожертвовать ради короля.

— Тогда посмотрите вот это, — я достала телефон и развернула экран к нему. Переписка с бывшей коллегой, главным экономистом завода, Светой. «Алина, я готова дать показания против Ветрова и Лены. Но только если ты подтвердишь, что будешь под защитой государства. Я боюсь за детей».

Света боялась за детей так же, как я. Он мог отмахнуться от моих требований, но тогда потерял бы и её. Я удерживала телефон над столом, не давая ему забрать его вместе с чеком.

Марк дочитал сообщение до конца. Ещё раз вернулся глазами к словам «под защитой государства». Я не убрала телефон. Пусть отвечает мне, а не листу, который можно сжечь.

Он протянул руку. Не для рукопожатия в обычном смысле. Он схватил мои пальцы и сжал. Пальцы хрустнули, боль прострелила кисть. Он проверял меня на прочность. Смотрел, поморщусь ли я, заплачу ли, упаду ли в обморок.

Я не моргнула. Я держала его взгляд, чувствуя, как ногти впиваются в его ладонь. Я улыбнулась уголком губ. Едва заметно. Холодно.

Его хватка ослабла. Он отпустил мою руку, и на кончиках пальцев остался синяк, похожий на отпечаток клейма. Физическое доказательство сделки.

— Завтра в восемь, — сказал он, отворачиваясь к окну. — Приходи одна. И Алина... если ты солгала хотя бы в одном символе в той переписке, я сам надену на тебя наручники.

Дверь кабинета захлопнулась перед моим носом. Щелкнул замок.

Я осталась в полумраке коридора. Сердце колотилось так сильно, что отдавало в висках. Рука болела. Я всё ещё ждала, что он откроет дверь и велит вернуться, но уже знала, с чего начну: с Кати. Свою просьбу я успела превратить в условие.

В коридоре я разжала пальцы: они слушались, хотя рука болела. Завтра в восемь. Он получил моё согласие, но вместе с ним — условие о Кате и имя Светы. Я вернусь с ними, а не с просьбой пожалеть меня.

Глава 5

В ЗАГСе пахло моющим средством и бумагой. В коридоре смеялись: там ждали с цветами. Я стояла у окна кабинета начальницы отдела ЗАГС, сжимая в руке пустую папку-скоросшиватель. Внутри не было ничего. Ни свидетельства о разводе с Игорьком — решение вступило в силу до обыска, — ни паспорта, оставшегося в арестованной квартире вместе с последними кружевными трусиками и детскими рисунками.

— Мне нужны документы, — голос дрожал, но я заставила себя говорить ровно. — Прямо сейчас. Или сделка срывается.

Марк Северцев сидел на краю стола, скрестив руки на груди. Его темный костюм поглощал скудный свет ламп дневного света. Он не моргал. Просто достал телефон, набрал один номер и положил трубку на стол экраном вниз.

— Ждите, — сказал он. Тихо. Без эмоций.

Через десять минут дверь распахнулась. Молоденькая девушка, запыхавшись, бросила на стол конверт: курьер ждал внизу с вещами, вывезенными по разрешению накануне.

— Начальница передала. Сказала: «Не отрывайте человека от важного дела».

Марк не поблагодарил. Он просто взял конверт, вынул мои документы и протянул мне. Его пальцы коснулись моих. Холодные. Сухие. Как скальпель.

Десять минут назад мне предлагали ждать. Теперь документы лежали у меня в ладонях, и девушка уже отступала к двери. Марк не спросил, какой номер она набрала бы для обычной посетительницы. Я тоже не спросила. Мне нужно было пройти регистрацию, а не доказать, что я умею стоять в очереди.

Мы вышли из кабинета в общий зал. За спиной дверь закрылась без стука, и я на мгновение прижала конверт к груди: паспорт теперь принадлежал мне, а не арестованной квартире. Марк шел рядом, не касаясь меня, будто мы случайно шли в одну сторону.

Очередь в зале регистрации была полупустой. Серые стены, пластиковый стул, скрип перьевой ручки. Я взяла бланк заявления. Ручка скользила. Я знала, где поставить подпись, но забыла, как начинается моя фамилия. Ещё заявление — и Марк получит право называть меня женой не только в разговоре.

«Подпиши или уходи», — гудело в голове.

Я смотрела на графу «подпись» и видела перед собой не бумагу, а наручники. Игорь кричал: «Ты виновата!» Приставы ломали дверь. Дочь плакала в темноте шкафа.

Рука Марка перехватила мое запястье. Резко. Грубо. Я дернулась, и перо оставило на бланке короткую черту. Пришлось поставить ручку на стол, чтобы не испортить заявление. Он придвинулся ближе, его дыхание обожгло висок.

— Если ты сейчас упадешь, Алина, я не буду тебя ловить, — прошептал он так тихо, что слышала только я. Голос был бархатным и ледяным одновременно. — Ты либо подписываешь этот лист, становясь моей женой и получая мою защиту. Либо встаешь и идешь к Игорю. Выбор за тобой. Но помни: у меня нет времени на истерики.

Он держал запястье там, где вчера уже остались следы его пальцев. Я посмотрела на ручку. Регистраторша ждала подписи, Игорь ждал, что я вернусь, а Катя — когда всё это закончится. Только последнее ожидание имело для меня значение.

Я выдохнула. Взяла ручку. Написала свое имя. Аккуратно. Почерк бухгалтера.

Телефон в кармане завибрировал. Один раз. Второй. Я знала, кто это. Игорь всегда звонил именно так, когда хотел напугать.

Я не сбросила вызов. Я включила громкую связь и положила телефон на стойку регистратора, прямо перед Марком.

Голос бывшего мужа прорвался сквозь динамики, хриплый от алкоголя и ярости:

— Ты думаешь, этот мент спасет тебя? Алинка, ты такая же тупая, как и всегда. Верни ключи от сейфа. Или я вырежу язык твоей дочери. Клянусь, она будет жить в тишине.

Регистраторша замерла с печатью в руках. Марк не шевельнулся. Лишь чуть прищурился, глядя на экран телефона.

Я посмотрела на отражение своего лица в черном экране смартфона. Бледная. С синяками под глазами. Но живая.

— Игорь, — сказала я четко, глядя Марку в глаза, хотя обращалась к бывшему мужу. — Я уже замужем. За тем, кто тебя посадит. Ищи другие методы.

Тишина в трубке была оглушительной. Потом — короткие гудки.

Марк забрал телефон. Убрал его в мой карман. И впервые за все время, с момента нашего знакомства, в уголках его рта мелькнуло что-то похожее на усмешку. Он успел услышать и угрозу Игоря, и мой ответ. Мне хотелось, чтобы второй запомнил не хуже первой.

До машины мы дошли молча. Я села на пассажирское сиденье, хотя никто не открывал мне дверцу и не звал: просто альтернатив у меня больше не осталось.

Мы ехали в его машине. Темный внедорожник, пахнущий кожей и дорогим табаком. Тишина давила сильнее, чем крики Игоря.

Пока машина стояла на светофоре, Марк повернулся ко мне. В его руках был планшет.

— Правила игры, — начал он без прелюдий. — Никаких чувств. Никаких вопросов о моем прошлом. Полное подчинение в вопросах безопасности. Ты не имеешь права покидать квартиру без сопровождения. Ты не имеешь права общаться с кем-либо, кроме меня и адвоката.

— Я не ваша пленница, Марк, — возмутилась я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Я партнер. Мы договорились...

Он не дал мне договорить. Перевернул экран планшета ко мне.

Фотография. Моя дочь. Стоит у школьного крыльца. Смотрит в камеру. Светлая улыбка. Дата съемки: до переезда Кати к тёте, 8:15 утра. Автор фото: охранник школы.

— Ты не партнер, Алина, — голос стал плоским, лишенным интонаций. — Ты ресурс. Ресурс не имеет права голоса, пока не выполнит задачу. Если ты сорвешь операцию из-за своих амбиций, эта фотография станет последним, что я тебе покажу. Потому что дальше начнется реальный мир. Где твои правила никто не читает.

Я отвернулась к окну. На снимке Катя улыбалась охраннику; мне он показывал эту улыбку как предупреждение. Спорить при этом экране я не могла. Но слово «ресурс» запомнила. Когда архив окажется у нас, заставлю его повторить это слово, глядя мне в лицо.

Он не стал ничего добавлять. Я поднялась первой и вышла из кабинета сама; догнал он меня только у машины. Слово «ресурс» я несла с собой всю дорогу, как камень под языком.

Квартира Марка находилась в элитном ЖК «Гранд». Панорамные окна, серые тона, стерильность операционной. Ни кружки на столе, ни книги на подоконнике. Непонятно, где положить своё.

Мои вещи привезли курьером в картонных коробках. Дешевая ткань платья, стоптанные туфли, книги с пометками маркером. Всё это казалось инородным телом в этом идеальном интерьере, как блоха на белом шелке.

Я стояла посреди гостиной, не решаясь сделать шаг. Страх остаться лишней парализовал ноги.

Марк прошел мимо меня к встроенному шкафу. Открыл дверцу. Внутри висели три его костюма. Идеальные линии. Темная шерсть.

Он снял их с плечиков. Один за другим. Сложил аккуратно. И выбросил в нижний ящик.

Потом открыл верхние полки. Освободил место.

— Раздевайся, — сказал он. Не глядя на меня. — Одевайся в пижаму. Еда будет через час.

Я замерла. Этот жест противоречил всему, что он говорил в машине. Ради «ресурса» не освобождают собственные полки. Внизу мялась дорогая шерсть, а моя коробка всё ещё стояла посреди комнаты. Я хотела спросить, куда поставить вещи. Теперь могла просто занять освободившуюся полку. Это место он отдал без пункта в договоре.

Я перенесла вещи из коробки на освободившиеся полки и задернула шкаф, пока не передумала. За окном стемнело совсем; день ушел на переноску коробок и на попытки не думать о слове «ресурс».

Голод скрутил живот спазмом. За двое суток я съела только украденный батончик. В голове плыли туманы.

Марк поставил на стол тарелку с пастой. Пахло базиликом и чесноком — так сильно, что сводило челюсти. Он сел напротив. Начал есть медленно, методично, глядя на меня поверх края бокала с водой.

Он ел, пока я разглядывала тарелку. Паста была передо мной, не перед ним; ждать разрешения не требовалось. Я годами спрашивала Игоря, можно ли купить, взять, оставить. Сейчас пальцы под столом опять сжались, прежде чем я потянулась к вилке.

Я не просила. Я не умоляла. Я взяла вилку. Нанизала кусок пасты. Посмотрела ему прямо в глаза и начала жевать. Медленно. Со вкусом. Как будто это был ужин королевы, а не подачка следователя.

Марк усмехнулся. Теперь уже открыто. Не злобно. С интересом.

Я проглотила и взяла ещё. Он смотрел, как будто собирался что-то сказать, но промолчал. Чеснок был резким, паста горячей. Я перестала следить, сколько он съел и когда положит вилку. Моя тарелка принадлежала мне.

Мы доели молча. Я поднялась из-за стола раньше него и пошла искать спальню сама, потому что спрашивать, где мне спать, не хотелось.

Ночь легла на город тяжелым одеялом. Марк ушел в кабинет, оставив меня одну в огромной спальне. Тишина звенела в ушах.

В поисках зарядки я задержалась возле его пиджака, висевшего на спинке стула. Рука потянулась сама. Из внутреннего кармана торчал сложенный лист. Не дело Игоря. Условия моей защиты.

Я развернула его.

Служебная записка.

«Северцев М.О. принимает на себя организацию безопасности Алины Ветровой на время её сотрудничества со следствием»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.